

УДК 94(470.44–22)|1918|

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1918 ГОДА В СЕЛАХ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

А. А. Герман

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, a.a.german@mail.ru

Автор рассматривает политические и социально-экономические процессы, происходившие в 1918 г. в сельской местности Саратовского Поволжья. В начале года там завершились процессы установления советской власти, передела помещичьей земли. Они серьезно дестабилизировали обстановку, традиционную жизнь и вызвали массовые междоусобные столкновения крестьян различных деревень, грабежи зажиточного населения. С началом лета в селах региона реализуется политика продовольственной диктатуры: разворачивается деятельность продовольственных отрядов, комитетов бедноты, проводится социализация земли, создание коммун, что вызывает нарастающее сопротивление основной массы крестьянства. Показаны особенности протекания исследуемых процессов в немецких селах.

Ключевые слова: Саратовское Поволжье, крестьянство, 1918 год, передел помещичьей земли, социализация земли, продовольственная диктатура, продовольственные отряды, комитеты бедноты, коммуны, крестьянские восстания.

Political and Socio-economic Processes of 1918 in the Villages of the Saratov Volga Region

A. A. German

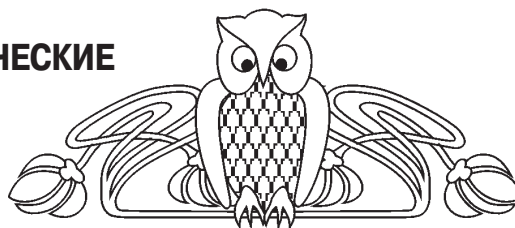
Arkady A. German, ORCID 0000-0001-7571-7645, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, a.a.german@mail.ru

The author examines political and socio-economic processes that took place in 1918 in the rural areas of the Saratov Volga region. At the beginning of the year, processes of establishing the Soviet power and redistribution of landlord lands were completed. They seriously destabilized the situation and traditional life and caused robberies of well-off people and massive internecine clashes between peasants of various villages. With the beginning of summer, the policy of food dictatorship was being implemented in the villages of the region: the activity of food detachments and committees of the poor started there, socialization of the land and creation of communes were being carried out. All these caused increasing resistance of the bulk of peasantry. The features of the process under investigation in German villages are shown.

Key words: Saratov Volga region, peasantry, 1918, redistribution of landlord land, land socialization, food dictatorship, food detachments, committees of the poor, communes, peasant uprisings.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-377-387

Сто лет назад, в 1918 г., в Саратовском Поволжье продолжали развиваться революционные

процессы, начало которым положили Февраль, а затем и Октябрь 1917 г. Если в Саратове и уездных центрах к концу января 1918 г. большевики в основном смогли установить свою власть и чувствовали себя достаточно уверенно, то в сельской местности обстановка была очень сложной, противоречивой и далеко не всегда развивавшейся в русле политики новой власти. Где-то продолжали существовать старые земские органы, где-то были уже советы, но не подчинявшиеся большевикам, в ряде мест сильным оставалось влияние эсеров. В целом это приводило к хаосу и анархии.

Главным процессом первых месяцев 1918 г. в деревне являлся продолжавшийся передел помещичьей земли, осуществлявшийся на основании Декрета о земле, принятого 26 октября (7 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов. Не было ни одного сельского общества, волости, уезда в Саратовском Поволжье, где бы ни прошли сходы, собрания и съезды по вопросам о распределении и перераспределении конфискованных земель. И везде этот вопрос понимался по-своему. Этому способствовал факт отсутствия каких-либо конкретных указаний или рекомендаций по практической реализации Декрета о земле.

Рассмотрим отмеченную ситуацию на примере Петровского уезда. В Вяземской волости, например, собрание крестьян постановило распределить помещичьи земли данной волости между всеми крестьянами поровну¹. Сёла Марьевское, Н. Бакурское, Копьевское, Князевское и Давыдовское поручили еще действовавшей местной уездной земской управе распределить всю землю пропорционально численности всего населения². Представители 6 других волостей земли бывших отрубщиков и помещиков, прилегающие к Безводнинской и Старо-Дементенской волостям, постановили предоставить в распоряжение жителей Безводненской волости. Ими же было решено произвести учет земель наделных, частновладельческих, церковных, монастырских, банковских и выяснить душевую норму данного района. Луга делились между крестьянскими семьями по количеству в них едоков³.

Не дожидаясь официальной реализации Декрета о земле, крестьяне резко усилили нападения на помещичьи имения, на отрубников и хуторов. В январе 1918 г. Уездная Петровская управа сообщала Петровской милиции, что борьба с вооруженными грабежами становится бессиль-

на и просила выслать вооруженных солдат для прекращения подобного рода действий. В Безводненской волости было уничтожено имение помещика Рубинштейна. В Краснобаевской волости в ночь с 7 на 8 января вооруженными крестьянами 10 сёл была сожжена усадьба местного помещика, небольшие постройки «увезли с корнем». В Хомяковке был расхищен скот с племенного завода, в селе Альшановке Грязнушенской волости был расхищен весь хлеб. В Ключевской волости были разграблены и уничтожены имения помещиков Устинова, Шигалина, Языковой, Хомякова и других крупных землевладельцев⁴.

В Хвалынском уезде во время антибольшевистского выступления Комитета спасения родины и революции крестьяне нескольких деревень, «обделенных землей», оказали сопротивление юнкерам местного военного училища, пытавшимся противодействовать их попыткам захватить и поделить помещичьи земли⁵.

В Балашовском уезде были имения в несколько десятков тысяч десятин (имения Нарышкина, Голицына-Прозоровского, Соллогуба и др.), в которых хозяйство велось на основе капиталистического предпринимательства. В этих имениях находились большие гурты породистых овец, мертвый и живой инвентарь. Всё это было расхищено отдельными крестьянами, были испорчены великолепные сады и уничтожены пчельники⁶.

Дележ земли между волостями часто принимал самые уродливые формы. Сплошь и рядом одни волости захватывали лучшие и большие участки земли, так как на их территории было много помещичьей земли, а рядом в соседней волости могли быть теснота и безземелье. Крестьяне более «везучих» волостей стали считать земли помещиков своими и энергично защищались от всех просящих поделиться. Дело иногда доходило до рукопашных схваток. Так было в уже упоминавшейся Вяземской волости Петровского уезда. Когда жители села Савкино пришли делить землю, то в селе Лысовка ударили в набат. Лысовцы вышли, вооруженные ружьями, вилами, лопатами, и предложили Савкинским идти домой, иначе «обещали бить и убивать». Было произведено несколько выстрелов и залпов. «Мы должны были уйти и остаться с прежними клочками своей земли», – жаловались впоследствии крестьяне села Савкино волостному совету крестьянских депутатов⁷.

В Саратовском уезде крестьяне с. Голицыно без всякого предупреждения захватили у крестьян с. Анутино около 400 десятин земли. Между сёлами также произошло несколько кровопролитных столкновений. Конфликт с трудом был урегулирован местной властью⁸.

Некоторые сельские общества, захватив побольше земли, помещичьих строений, сельскохозяйственных орудий, объявляли себя самостоятельными республиками. Так было с вы-

шеупомянутым Лысовским обществом, которое заявило о создании своей собственной волости, а затем и «независимой республики Лысовского общества»⁹.

Были случаи, когда бедные и обделенные при дележке помещичьих имений волости писали жалобы в крестьянские секции местных Советов с просьбой присоединить их к более богатым хлебом и землей волостям. Последние не желали принимать первых или принимали порой на самых тяжелых условиях, выделяя непригодные для хозяйствования участки. Подобных заявлений было так много, что крестьянская секция Саратовского Совета вынесла решение создать специальную комиссию по рассмотрению подобного рода заявлений¹⁰.

Самовольные захваты помещичьего и иного имущества имели массовый характер и в других уездах, включая и левобережье Саратовского Поволжья. Постепенно возникли целые банды, которые, пользуясь неопределенностью ситуации, «межвластьем», перешли от грабежей помещичьих имений к грабежу зажиточных крестьян. Часто они прикрывались мандатами новой власти.

Факты массового насилия над сельским населением в первые послеоктябрьские месяцы вынуждены были признавать даже сами руководители местных советов Саратовского Поволжья. Так, в приказе Совнаркома Николаевской «уездной социалистической трудовой коммуны» (Николаевский уезд Самарской губернии) от 8 мая 1918 г. прямо говорилось, что «в ряды Красной армии, Красной гвардии и даже некоторых совдепов, по-видимому, проникли разного рода паразиты трудящихся – хулиганствующие и уголовные элементы... Повсеместно в уезде, благодаря, по-видимому, проникновению в ряды красноармейцев и красногвардейцев указанных элементов, творится что-то невероятное, со всех сторон несутся жалобы, при проверке вполне подтверждающиеся, что некоторые красноармейцы, красногвардейцы и даже представители совдепов устраивают над гражданами различные насилия, произволы, учиняют истязание их плетью, наносят побои, злоупотребляют оружием и т. д. и даже мародерствуют, самовольно отбирая у населения насильственным путем разное имущество...»¹¹

В данном конкретном случае в перечне наиболее пострадавших сел явно преобладают немецкие села. При анализе подобных документов нельзя не заметить, что в это время нападения на немецкие села приобретают массовый характер не только в Николаевском, но и в соседнем Новоузенском уезде. В отмеченных уездах количество немецких сел и хуторов доходило до 40 % от всех сельских поселений, они заметно выделялись своей зажиточностью. Аналогичная ситуация развивалась и на правобережной стороне Волги. К примеру, 13 января 1918 г. был разгромлен по-

селок немецких колонистов в Петровском уезде. Немало немецких сел пострадало в Камышинском уезде, где их количество составляло около половины от всех селений уезда¹².

В немецких селах не было таких серьезных экономических контрастов, как в других: бедняцких хозяйств либо не было вообще, либо их число измерялось единицами. Отсюда и социальный антагонизм практически отсутствовал. Поэтому немецкие крестьяне остались в стороне от революционных событий. Как позднее подчеркивал один из руководителей Области немцев Поволжья В. Штромбергер, «бунтарские тенденции, свойственные аграрному движению в России, в наших колониях не замечались, что было вызвано также и полным отсутствием в нашей области помещичьих владений»¹³. Социальное единение жителей немецких сел и их зажиточность вызывали неприязнь как у соседей, так и представителей власти. Немецкие села практически открыто именовали «кулацкими гнездами».

Именно массовый характер нападений на немецкие села, творившийся там разбой, заключавшийся не только в грабеже имущества, но и в убийстве их жителей, насилии над женщинами и т. п., стали одной из основных причин появления статей 21 и 22 дополнения к Брестскому мирному договору, заключенному между Советской Россией и Германией с ее союзниками 3 марта 1918 г. Все немецкие колонисты признавались Германией гражданами Советской республики, однако тем из них, «которые сами или предки которых являются выходцами из Германии», в течение десяти лет после ратификации Брестского договора предоставлялось право реэмиграции в Германию с одновременным переводом туда своих капиталов. Оговаривалось право каждого желавшего переехать в Германию непосредственно обращаться к дипломатическим и консульским представителям этой страны. На основании указанных выше статей германское правительство назначило «Комиссию попечения о германских реэмигрантах», которая контролировала выполнение советскими органами соответствующих статей¹⁴.

Естественно, что предоставленными правами пытались воспользоваться, прежде всего, наиболее зажиточные слои немецкой деревни, которым было что терять в послереволюционном российском хаосе, да и первые декреты новой власти, направленные на разрушение дореволюционных экономических и духовных устоев, не сулили им ничего хорошего. Советское правительство всячески препятствовало реэмиграции немцев в Германию. В качестве альтернативы эмиграции был взят курс на предоставление немцам Поволжья территориальной автономии. Для реализации этой идеи по решению Советского правительства 30 апреля 1918 г. в Саратове был создан Поволжский комиссариат по немецким делам. Первоначально значительная часть не-

мецкого крестьянства, и особенно интеллигенции, поддержало идею территориальной автономии, надеясь таким образом уберечь свою жизнь и имущество от бушевавших вокруг них разрушительных революционных процессов. Однако утопичность этих надежд стала ясна довольно скоро¹⁵.

Об этом, в частности, свидетельствует специальная телеграмма Совета народных комиссаров РСФСР за подписью его председателя В. И. Ленина, направленная 26 июля 1918 г. органам советской власти в Саратов, Камышин, Вольск, Аткарск, Новоузенск и Николаевск с требованием прекратить «самочинные действия местных Советов по отношению к немецким колонистам». В телеграмме указывалось, что «всякие контрибуции, конфискации и реквизиции хлеба среди немецких колонистов Поволжья могут иметь место только с согласия Комиссариата по немецким делам в Саратове». Такая позиция Совнаркома определялась опасением, что грабеж немецких колоний может спровоцировать Германию на разрыв Брестского мирного договора¹⁶. Телеграмма, однако, не привела к серьезному изменению политики местных органов власти в отношении немецких сел.

Наряду со спонтанным захватом помещичьей земли и грабежами зажиточных крестьян в Саратовском Поволжье массовое развитие получило еще такое негативное явление, как самовольная вырубка леса. Она носила общероссийский характер, однако для редколесного степного Саратовского Поволжья была особенно опасна, так как могла обернуться климатической и аграрной катастрофой.

В изданном 20 сентября 1918 г. декрете Совнаркома РСФСР «Об устранении самовольных пользований в лесах» виновниками массовой вырубки лесов объявлялись «кулаки, черносотенцы, богатеи и многолошадники». Однако, как показывает анализ документов, везде, где был лес, частный или государственный – везде он вырубался и вывозился коллективно «всем миром», всей деревней. Крестьяне не внимали уговорам властей «проявлять революционную заботливость»¹⁷. Каждая деревня стремилась срубить побольше, а то и отнять у соседнего селения. На этой почве также происходили серьезные конфликты между селами. Местные власти отчаянно просили помощи из центра для «прекращения разыгравшихся волчьих аппетитов». Крестьяне не подчинялись¹⁸.

Комиссар земледелия Саратовской губернии П. А. Лебедев вынужден был издать приказ о принятии суровых мер для противодействия разросшемуся хищению имущества бывших помещиков, охраны лесов, лугов и пастбищ. Ответственность за «несознательное поведение» крестьян ложилась на местные сельские Советы. У лиц, нарушающих приказ, отбиралось не только взятое из помещичьих имений, но и своё

имущество в пользу общины. Виновные подвергались военно-революционному суду. Если для охраны имущества бывших помещиков приходилось посылать отряды Красной гвардии, расход на содержание ее шел со всей «провинившейся» волости. Если «барское добро» все-таки расхищалось, то на виновные волости накладывались контрибуции. Так, в Петровском уезде Савкинская волость должна была заплатить 50 тыс. рублей, Козловская – 100 тыс., Лопатинская – 50 тыс., Дёмкинская – 20 тыс. и Усть-Удинская – 25 тыс. рублей¹⁹.

* * *

Весной 1918 г. политика большевиков вступила в полосу серьезного кризиса. Ставка большевиков на революционные массы начала оборачиваться против них самих. С блеском справившись с «разрушительными» функциями, массы оказались не способными к функциям созидательным. Главной проблемой становился голод в городах. Причиной голода стало не только отпадение важных хлебородных регионов – Украины, а затем и Юга России. Сказывалось снижение товарности сельского хозяйства в результате разрушения помещичьего землевладения. Но, главное, крестьянам стало невыгодно продавать хлеб государству по предлагавшимся очень низким ценам и без соответствующего товарного покрытия (следствие дезорганизации промышленного производства и торговых связей). Государственная монополия на хлеб, которую вслед за Временным правительством проводили и большевики, отряды рабочих и красноармейцев, выменивавшие, а то и отбиравшие в деревне хлеб, проблемы не решали.

В. И. Ленин быстро меняет политику власти. «Главным врагом социализма» он называет теперь не буржуазию, практически уничтоженную в период «красногвардейской атаки на капитал», а «мелкобуржуазную стихию», подрывавшую хлебную монополию²⁰. При этом его не смущало, что её носителем являлась подавляющая часть населения страны как в деревне, так и в городе, поскольку, чтобы выжить, едва ли не каждый тогда вынужден был становиться частным торговцем, и именно чёрный рынок, «мешочники» обеспечивали преобладающую часть потребляемого городами продовольствия.

Предубеждение против рынка и стремление приблизить бестоварный социализм подтолкнули руководство большевиков к ужесточению хлебной монополии и введению в мае 1918 г. продовольственной диктатуры. Крестьян теперь обязывали сдавать все «излишки» хлеба (сверх установленных минимальных норм) государству по твёрдым, т. е. крайне низким, ценам. Иными словами, крестьян теперь могли обирать как угодно и сколько угодно. Для изъятия хлеба Наркомпрод получал чрезвычайные полномочия и даже свою продовольственную армию.

Чтобы политически подкрепить насильственное изъятие хлеба у крестьянства, а заодно и ликвидировать «эксплуаторов-кулаков», был взят курс на раскол крестьянства и развёртывание в деревне гражданской войны. Декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. в деревнях создавались комитеты бедноты, перед которыми ставились задачи не только оказывать помощь продотрядам изымать хлеб у крестьян, но и оживить процесс «социализации», т. е. осуществить в деревне новый передел земли²¹. «Социалистические преобразования в деревне» сопровождались массовыми беззакониями и произволом, что хорошо видно на примере сел Саратовского Поволжья.

После появления декрета о комбедах в саратовских селах по инициативе большевистских организаций по постановлениям советских и продовольственных органов стали создаваться волостные и сельские комбеды. Их организация, по свидетельству многих источников, проходила с существенными трудностями, которые вызывались не только противодействием основной массы крестьянского населения, но и нежеланием местных Советов, продовольственных органов заниматься созданием комбедов. Было понятно, что комбеды становились их серьезными конкурентами при заготовке продовольствия²².

Поволжье, по оценке В. М. Селунской, относилось к районам, характеризовавшимся присвоением комбедами всех функций Советов, вытеснением и роспуском последних как «кулацких», поскольку именно здесь разразилась острая борьба за хлеб, так как, опираясь на экономическое влияние «кулаков» в деревне, многие Советы сопротивлялись аграрной политике Советского государства²³.

О присвоении функций Советов комитетами бедноты сообщалось из большинства уездов Саратовской губернии²⁴. Встречались случаи, когда при создании комбедов ликвидировались Советы, особенно на уровне волостей. В этом случае комбед полностью сохранял структуру волисполкома со всеми отделами и назывался «исполкомом бедноты» или «Советом бедноты»²⁵. Были также попытки возложить обязанности комбедов на Советы. Однако в большинстве случаев Комбеды существовали параллельно Советам, приняв на себя основные их функции.

Такие комитеты деревенской бедноты, почувствовав поощряемую местными властями вседозволенность в рамках понимаемых ими декретов и постановлений, вставали в оппозицию Советам крестьянских депутатов. Они незаконно вмешивались в работу отделов волисполкомов²⁶.

Так, например, из Сердобского уезда Саратовской губернии сообщалось, что после создания в значительной части волостей и сел уезда комитетов бедноты, между представителями комитетов и волостными исполкомами стали происходить трения на почве власти²⁷.

В Кузнецком уезде трений между исполкомами и комбедами не наблюдалось, однако если возникали какие-то разногласия, то посылались инструктор, который улаживал дело миром²⁸.

В Балашовском уезде отношения исполкомов и местных комитетов бедноты были «сдержанно-выжидательными». В некоторых местах проявлялось отрицательное отношение этих органов друг к другу. Например, председатель Барковского исполкома послал в губернский совет жалобу на действия комитета бедноты. А Турковский комитет бедноты, наоборот, прислал целый список членов Совета, не отвечающих якобы своему назначению и мешающих работать представителям комбеда²⁹.

Ввиду различного рода недоразумений, возникавших на местах, коллегией Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) было сделано разъяснение, что комитеты бедноты отнюдь не являются органами власти и не должны идти по линии работы Советов. Как органам специального назначения, названным комитетам предоставлены лишь функции чисто продовольственного характера с задачами фиска³⁰.

Однако на практике комитеты деревенской бедноты постоянно принимали на себя функции политического контроля, превратившись в единственный орган власти в деревне. Они сделались подлинной опорой большевистского режима на селе. Например, Петровским уездным исполнительным комитетом даже было принято специальное постановление, в котором говорилось следующее: «Волостные и сельские Советы упразднить и всю полноту власти, как политическую, так и административно-хозяйственную, передать волостным и сельским комитетам деревенской бедноты» и «Комитеты деревенской бедноты впредь именовать Советами деревенской бедноты»³¹.

Немалую роль в организации комитетов бедноты в Саратовском Поволжье сыграли, по свидетельству многочисленных документов, рабочие продовольственные отряды Петрограда, Москвы, губернских центров. Главной целью этих отрядов было обеспечение любыми путями заготовки продовольствия для голодающих города. Для не знающих специфики сельской жизни продотрядовцев неоценимыми помощниками становились бедняки, которых необходимо было организовывать в комитеты бедноты. Поэтому не случайно появление продотрядов и комбедов встречалось в деревне враждебно, поскольку в сознании крестьян появление тех и других увязывалось с грабежом. Многим продотрядовцам пришлось вести агитационную работу по разъяснению целей создания комбедов, прямо подчеркивая, что они создаются прежде всего для решения продовольственных проблем в стране, в противовес Советам крестьянских депутатов, многие из которых находились под влиянием зажиточных крестьян и были в оппозиции к существующей власти.

Имеются разноречивые мнения о количестве комбедов, существовавших в Саратовском Поволжье. Исследователь Ю. П. Суслов установил по материалам Государственного архива новейшей истории Саратовской области, что к концу 1918 г. в Саратовской губернии насчитывалось 2546 комбедов. Для сравнения: в соседней Пензенской губернии их было 1996, в Самарской – 2000, в Симбирской – чуть больше 1500, в Астраханской – около 100³².

Заручившись поддержкой продотрядов, а также различными инструкциями и предписаниями, комитеты бедноты начали свою деятельность. Так, например, в селе Синенькое Саратовского уезда комитет бедноты, созданный 28 июня 1918 г., создал кадр патрулей, были выставлены заградительные отряды, создана волостная продовольственная управа с отделами, стали производиться реквизиции и конфискации товаров и продуктов первой необходимости, которые сдавались в кооператив и распределялись между бедняками под контролем членов комбеда³³.

В Кузнецком уезде также под руководством комбедов шла энергичная ссыпка хлеба, были выставлены патрули, велась борьба со спекуляцией и самогонварением³⁴.

Вокруг комбедов объединялась в основном беднейшая часть деревни. Это были безлошадные и безинвентарные хозяйства. Часто к ним примыкали личности, далекие от крестьянской жизни в обычном ее понимании. Это были бывшие каторжники, вернувшиеся домой после свержения самодержавия, имеющие за плечами криминальное прошлое, желающие пожить за чужой счет и «пустить кровь богатеям». Еще одна категория такого рода – крестьяне, ранее ушедшие в город на заводы, забросившие свои хозяйства и теперь вернувшиеся к всеобщему переделу, надеясь получить часть изъятой у «кулаков» и помещиков собственности и тем самым поправить материальное положение своих семей.

Неоднозначно можно оценить роль комитетов бедноты в обеспечении голодавших рабочих и крестьян хлебом маслом, мясом и другими сельскохозяйственными продуктами. С одной стороны, комитеты решительно боролись со спекулянтами, выявляя места, где пряталось зерно и другие продукты. Этими действиями они вызвали к себе ненависть зажиточного слоя деревни. Например, в селах Большая Грязнуха и Большой Мелик Балашовского уезда были убиты председатели местных комитетов бедноты³⁵.

С другой стороны, их излишний радикализм при отсутствии у самих себя не только излишков, но даже самых необходимых продуктов, толкал их на непродуманную конфронтацию даже со своими соседями, жившими не намного лучше бедняков. Эти акции вели к возникновению ненависти уже к Советской власти середняцкой (основной) части крестьянства³⁶. В ответ на необдуманные действия комбедов крестьяне отве-

чали волнениями, в лучшем случае сокращали посеvy до уровня, который не давал излишков, а это было чревато разрастанием голода.

Справедливости ради следует отметить, что не все комбеды занимались голым администрированием. Например, ряд комбедов Вольского уезда (Барановский, Куриловский, Плетневский и др.) по согласованию с властями использовали экономические методы взаимоотношения с городом. Говоря современным языком, они выходили на прямые связи с предприятиями Москвы и других городов. Тысячи пудов хлебных «излишков» в виде выпеченного хлеба была направлена рабочим Москвы в декабре 1918 г. Из Москвы было прислано в волость 4 800 аршин мануфактуры на сумму 15 942 рубля, которая была распределена среди крестьян волости³⁷. Однако такие случаи были редкостью.

Нередко на почве изъятия «излишков» происходили прямые столкновения между продотрядами и крестьянством. Одним из эпизодов такого противостояния стало восстание в селе Алексеевка Саратовского уезда. Село являлось районом кустарного промысла по обработке и выделке кожевенного сырья. Это обусловило еще и широкое развитие торговли. Поэтому в селе было немало зажиточных ремесленников и торговцев.

Нежелание жителей села сдавать продовольствие вынудило Саратовский Совет послать туда 25 человек из Петроградского и Московского продотрядов³⁸.

Перед восстанием, по неизвестным причинам, из села были отозваны все советские работники и находившиеся там ранее продотрядовцы. На месте остались лишь 3 милиционера, 6 человек красноармейцев и 6 человек из продотряда на общее число жителей села Алексеевка, доходившее до 18 тысяч.

Восстание началось в 11 часов дня 12 ноября 1918 г. В этот день с раннего утра народ собрался на площади у Совета. В толпе слышались угрозы в адрес продотряда и слухи, «что в Саратове Советская власть висит на волоске». В это время продотряд производил учет зерна у местного торговца по фамилии Галанин. Увидев это, толпа бросилась на продработников. Было убито 9 человек. Вооружившись охотничьими ружьями, вилами, лопатами и топорами, восставшие начали громить и разгонять местный Совет и партийную ячейку. Советская власть была свергнута, портреты Ленина и Троцкого разорваны в клочья. Под набат колокола собрались все жители и избрали волостного старшину. Продотрядами соседних сел Ивановка и Базарный Карабулак была предпринята попытка ликвидировать восстание. Восставшие оказали упорное сопротивление. Погибло 10 местных крестьян и 4 продотрядовца. Все «зачинщики» восстания были подвергнуты революционному суду и расстреляны³⁹.

Возмущения крестьян происходили и в других уездах. Так, в Камышинском уезде восстания

происходили дважды: в первый раз в казачьих поселениях и в немецких колониях, второй – по всему уезду. Нужно отметить, что в этом уезде властям удалось создать только 3 комбеды⁴⁰.

В июне в Саратовской губернии произошла целая серия массовых восстаний крестьян на почве недовольства хлебной монополией, принудительными реквизициями, мобилизацией в Красную армию. Восстания охватили 20 волостей Вольского уезда, 5 – Хвалынского, 3 – Сердобского, 12 – Саратовского (самое близкое к Саратову восстание произошло всего в 12 верстах от города). В это же время восстания происходили в ряде немецких сел Камышинского, Николаевского и Новоузенского уездов. В Саратовском уезде повстанцы захватили пригородные железнодорожные станции Татищево, Курдюм и Разбойщина. Восстания были подавлены частями чекистов и Красной гвардии. Для расследования обстоятельств крестьянского недовольства была создана Особая следственная комиссия ЦИК⁴¹.

Продотрядам противостояли крестьяне, в большинстве своем зрелые мужчины, прошедшие окопы Первой мировой войны (значительное их число побывало в немецком или австро-венгерском плену), обзаведшиеся своим хозяйством, создавшие свой собственный «мир». Эти крестьяне жили по принципу «мой дом – моя крепость», они были готовы уничтожить любого «чужака», пытавшегося диктовать свои условия, желавшего поживиться результатами их труда⁴².

Важной причиной восстаний была бессистемность в организации действий продотрядов и, как уже отмечалось, их жестокое обращение с крестьянами. В качестве такого примера рассмотрим восстание в крупном немецком селе Варенбург (Привальное) на левом берегу Волги под Саратовом⁴³. Само восстание вспыхнуло 4 января 1919 г., но события, его обусловившие, развивались со второй половины декабря 1918 г. В это время в село один за другим вторгались несколько продовольственных отрядов. Они ограбили крестьян фактически до нитки. Грабеж сопровождался насилием и издевательствами. При этом любые попытки объяснить невозможность выполнить требуемые нормы сдачи продовольствия приводили лишь к усилению жестокости. Следует отметить, что описываемые события происходили в период рождественских праздников (24–25 декабря), что усиливало негативные эмоции крестьян. Происходившее представлялось концом света, нашествием дьявола⁴⁴.

Поэтому, когда 4 января было замечено приближение очередного продовольственного отряда, крестьяне встали на защиту своего села. Сопротивление началось стихийно, но быстро приобрело организованную форму. Продотряд был разгромлен. В слепой ярости восставшие спустили в прорубь под лед захваченных продотрядовцев, а также немногочисленных сельских коммунистов и членов их семей. В дальней-

шем они несколько дней держали в своих руках село, отражая попытки отдельных малочисленных красных отрядов захватить его и нанося им большой урон. Вот как описал позднее в своих воспоминаниях один из эпизодов этой схватки участник штурма Варенбурга (Привального) Я. Гиль: «...из Бальцера⁴⁵ был послан первый отряд кавалерии – 44 человека при одном пулемете под командованием А. Мая. Этот отряд в самом Привальном был встречен кулаками белым флагом, после их повели к церкви, из которой начали стрелять два замаскированных пулемета, а на смежных улицах, куда направился враспынную отряд, встречали его кулаки с вилами, топорами, ломом, лопатами, предварительно разложив по улицам вверх зубьями бороны, на которых зверски убивали людей и лошадей...»⁴⁶

5–6 января обком РКП(б) Области немцев Поволжья объявил партийную мобилизацию. Мобилизованные коммунисты составили костяк отряда, специально созданного для ликвидации восстания. 8 января этот отряд совместно с отрядом красноармейцев из Бальцера и кавалерийской группой саратовского губчека взяли Варенбург (Привальное) штурмом. 9 января в Москву и в штаб 4-й армии в Самару ушло донесение: «Восстание Привальное ликвидировано. Тридцать два руководителя расстреляно, двое скрываются. Взыскано с буржуазии семьсот восемьдесят тысяч рублей штрафа». Один из скрывшихся, бывший владелец лесоскладов и пристаней в Варенбурге И. Вормсбехер, был вскоре пойман в 40 км от села и повешен на колокольне церкви «на страх кулакам»⁴⁷.

Восстания в селах Алексеевка и Варенбург (Привальное) специально описаны подробно, в деталях, чтобы дать представление о всей остроте социального раскола и ненависти противоборствующих сил, которые быстро развивались после октябрьского переворота 1917 г. в российской сельской глубинке и, в частности, в Саратовском Поволжье.

Кроме массовых восстаний в деревнях региона довольно часто происходили бунты-однодневки, вспышки недовольства в масштабах одного поселения, которые зачастую завершались без жертв. Советская историография трактует их как выступления «обманутых подстрекателями» крестьян, которые после объяснения успокаивались и осуждали верховодивших ими «кулаков». В действительности же они были связаны с не прекращавшимися крупными и мелкими попытками покушения власти на собственность крестьян, выражавшимися в самых различных формах. Как правило, бунтовать начинали женщины, которые в силу своей социальной роли в семье и хозяйстве наиболее глубоко и болезненно ощущали произвол и насилие власти.

По мере роста крестьянского сопротивления продовольственные отряды все чаще стали выполнять карательные функции при комите-

тах деревенской бедноты. Например, в телефонграмме Петровскому военному комиссару от 13 сентября 1918 г. говорится: «... в Малую Сердобу был послан продовольственный отряд, в распоряжении товарища Котова, каковой был переименован в карательный»⁴⁸.

Из пункта 4 Инструкции чрезвычайным комиссарам следовало, что для подавления любого сопротивления со стороны крестьян командир продотряда не должен был останавливаться перед расстрелами. Право расстреливать ему было предоставлено официально⁴⁹. Представители продовольственных отрядов могли в случае неподчинения их требованиям о сдаче хлеба выносить приговоры и расстреливать. В селе Дёмкино Старо-Славкинской волости Петровского уезда крестьянин Иван Аверьянович Цебайкин пытался уклониться от сдачи хлеба и около 200 пудов зарыл в землю, за что был арестован и в селе Старо-Славкино расстрелян 10 октября 1918 г.⁵⁰

Принудительные меры комитетов бедноты совместно с Советами по бесплатному изъятию излишков хлеба и доставке их на ссыпные пункты дали возможность Саратовской губернии, как и некоторым другим соседним губерниям, часть зерна оставить в своих губерниях и распределить среди беднейшего населения. Этим самым с политической точки зрения создавалась видимость эффективности приказных методов заготовки, что несомненно поддерживалось комбедами и подвигало губернских руководителей к дальнейшему увеличению темпов заготовок⁵¹.

Часто за свои «заслуги перед Советской властью» члены комитетов получали вознаграждение в виде определенной доли изъятого ими зерна, которое отпускалось им вначале бесплатно (до 15 июля 1918 г.), а затем с определенной скидкой⁵².

В комитетах бедноты составлялись так называемые «требовательные ведомости», по которым комитетчики получали продовольствие, корм для своего скота и т. д. Так, например, в такой ведомости Бальклейский волостной комитет бедноты Царицынского уезда запрашивал для своих сотрудников хлеб на годовое потребление в количестве 18 786 пудов. В это число входил не только хлеб для личного питания членов комбеда и их семей, но и хлеб, предназначенный на прокорм имевшегося у них скота⁵³.

Возможность получать хлеб даром, из общего числа «излишков», развращающе действовала на сознание бедняков, толкало их нередко на активную «экспроприацию излишков» даже у своих соседей, которые жили чуть лучше. Комитеты бедноты, не имея достаточного финансирования «из центра» своего аппарата, иногда произвольно определяли зажиточных крестьян: «кулаков» и «спекулянтов» хлебом и скотом, накладывали на них контрибуции. Присвоив себе функции Советов, они самочинно распоряжались денежными суммами, полученными от контрибуций. Так,

на нужды народного образования волости Анненский комбед Аткарского уезда обложил всех «кулаков» и состоятельных граждан налогом в сумме 50 тысяч рублей. Аналогичные списки составлялись и по многим другим селам⁵⁴.

* * *

Еще 6(19) февраля 1918 г. был официально обнародован Закон о социализации земли, принятый 27 января (9 февраля) 1918 г. Он подтверждал отмену частной собственности на землю, передачу земли в распоряжение Советов под контролем федеральной власти. Как и Декрет о земле, он был уступкой большевиков крестьянам. Однако в Законе, наряду с мерами по осуществлению принципов социализации земли и уравнительного землепользования, «в целях перехода к социалистическому хозяйству» содержались положения, дававшие определенный приоритет развитию хозяйства общественного, в ущерб единоличному⁵⁵.

Закон положил начало проведению процесса социализации земли, т. е. перераспределения «излишков» земли от зажиточных крестьян в пользу бедных. Процесс этот, однако, в силу уже отмечавшегося разгула крестьянской стихии развивался очень медленно.

Лишь после укрепления на местах комбедов, с июля 1918 г., закон начал реально воплощаться в жизнь. Была принята и обнародована в местной печати «Инструкция перераспределения земли». Согласно инструкции земля распределялась в селах на все души – мужские и женские. Прежде чем начать передел, исполком рекомендовал опросить всех жителей, желают ли они обрабатывать землю собственным трудом. Если нет, то «для таких людей она бесполезна», так как продажа и аренда земли отныне запрещались⁵⁶.

Социализация земли проходила в обстановке споров и взаимного озлобления. Кроме того, передел земли был плохо организован. Часто допускались ошибки, у некоторых зажиточных крестьян часть земли отбиралась необоснованно. В результате социализации принцип уравнительного землепользования в основном был реализован. Однако он не принес удовлетворения основной массе крестьянства. Как отмечалось в одном из документов, «крестьянство уперлось в тупик: бедняки цепко держатся за свои наделы, но не имеют инвентаря; среднее крестьянство потеряло часть своей земли, но осталось при своем инвентаре и с неудовлетворенным стремлением к расширению и улучшению хозяйства»⁵⁷.

Социализация земли нанесла большой урон немецким крестьянам, особенно тем, кто проживал в селах на пограничье с русскими селами. В этих селениях в качестве «излишка» были необоснованно отрезаны и переданы русским деревням около 10 тыс. десятин земли. Происходило это потому, что, как отмечал один из свидетелей, «практическую работу по переделу земли прово-

дили русские землемеры из местных земотделов, которые... очень мало были озабочены делами колоний... в русском населении даже в среде партийных товарищей все колонисты вследствие более культурного состояния их хозяйств, считались кулаками и отношение к ним со стороны русских советских органов было или враждебное, или по крайней мере недружелюбное»⁵⁸. После передела земли отношения между немцами и русскими в пограничных районах заметно ухудшились.

Социализации подлежала не только земля, но и живой, и мертвый инвентарь. Их перераспределение также проводилось на основании специально принятых губисполкомами инструкций.

У лиц, которые обрабатывали землю наемным трудом, не принимая личного участия в сельхозработах, весь живой инвентарь отчуждался и распределялся между семьями, кормильцы которых погибли на фронте, одинокими солдатами-батраками. Отчуждение осуществлялось безвозмездно или за умеренную плату, которая вносилась в кассу местного Совета. Крестьяне, имевшие больше лошадей, чем нужно для обработки их земельных наделов, должны были объединяться в артели с теми, у кого было больше земли, чем они могли обработать своими лошадьми; полученный урожай предписывалось распределять пропорционально рабочей силе.

Если наличный живой и мертвый инвентарь превышал установленную норму, а крестьянин не желал вступить в артель, то он имел право с согласия местного Совета продать излишки (не по «спекулятивной цене»), в первую очередь – своим односельчанам. Бедный крестьянин при неимении средств мог купить у земельного отдела инвентарь с рассрочкой на 3 года.

Инструкция устанавливала соотношение тягловой силы и земельного надела: для обработки до 10 дес. земли полагалось 4 лошади, до 15 – 5, до 20 – 6, до 30 – 7, для 32 дес. – 8, для 40 дес. – 10 лошадей⁵⁹.

Проведенная социализация земли и инвентаря, а также иная деятельность комбедов способствовала возникновению в Саратовском Поволжье коллективных хозяйств. Первая крестьянская коммуна появилась в селе Ерзовка под Царицыном. Ее организовали солдаты-фронтовики. Первоначально в нее входило 15 семей, она носила название «Первая Поволжская социалистическая коммуна». Имущество коммуны состояло из 1 трактора, 4 косилок, 1 молотилки, 6 лошадей, 12 быков, 3 коров, 12 коз и 60 кур. «Информационный листок Наркомзема» сообщал: «кулаки относятся враждебно к коммуне, ведут против нее агитацию. Но состав коммуны представляет дружную, работоспособную семью, относящуюся к делу с полной добросовестностью»⁶⁰.

Летом и осенью 1918 г. Ерзовка дважды занималась белыми, которые разоряли коммуны, расстреляли 3 коммунистов. На территории Царицынского уезда в том же году были организованы коммуны еще в Балыклее, Дубовке, станице Пичугинской. В Камышинском уезде к августу 1918 г. было организовано 5 коммун и одна сельскохозяйственная артель⁶¹.

В селе Серино Котовской волости местными крестьянами-бедняками была организована коммуна под названием «Победа». Данная коммуна являлась одной из первых, созданных после Октябрьского переворота. Первый ее состав – 18 семей. Весной 1918 г. записалось еще 200 семей (из 600 проживавших в селе). К тому времени обрабатываемая площадь земли достигала 600 десятин. Кроме полевого хозяйства, коммунары создали мастерские: сапожную, плотницкую, большую кузницу, которая обслуживала также и индивидуальные крестьянские хозяйства⁶².

В Аткарском уезде к декабрю 1918 г. было организовано более 20 сельхозкоммун. Одной из первых была организована Анненская коммуна в бывшем имении графа Шереметьева. В нее вошли 200 членов. В распоряжении коммуны имелись трактор, 2 паровых молотилки, 11 лошадей, 16 коров, паровая мельница, мастерские⁶³.

В Балашовском уезде заведующий уездным земельным отделом Лученков на губернском съезде земельных отделов Саратовской губернии 30 августа 1918 г. докладывал, что в уезде зарегистрировано 10 коммун и артелей, хотя утвержденных уставов они не имели. Образовались они из местного и пришлого населения. Общее число коммунаров достигло 2 823 человека. Имущественное положение подавляющего большинства членов коммуны было самое бедное. Коллективам было отведено 708 десятин земли. Инвентарь для обработки земли был взят из помещичьих имений⁶⁴. В Сердобском уезде Саратовской губернии к августу 1918 г. было зарегистрировано 2 коммуны, а к концу года – уже 9 коммун и одна сельскохозяйственная артель⁶⁵.

В Вольском, Хвалынском и Кузнецком уездах до сентября 1918 г. не было организовано ни одного коллективного хозяйства. Объясняется это тем, что на территории этих уездов шли бои, связанные с восстанием Чехословацкого корпуса. Только в декабре 1918 г. в Вольском уезде возникла одна коммуна, а в Кузнецком – 2 коммуны и одна артель⁶⁶.

К концу 1918 г. по всей Саратовской губернии были зарегистрированы 41 коммуна и 14 артелей⁶⁷.

Большевистская власть в 1918 г. не поощряла создание сельхозартелей и товариществ как форм коллективного хозяйства, препятствовала их регистрации и деятельности. Большевики считали, что подобные хозяйства не отвечают «социалистическим формам производства». Так, заведующий экономической секцией Саратов-

ского губернского Совета сельского хозяйства (а с 3 сентября 1918 г. Губземотдела) Торгушин на губернском съезде представителей земельных отделов высказался за создание только коммун. Он отверг предложение агронома Петровского уезда Ильницкого об организации простейших производственных кооперативов и артелей.

Вначале к артельному труду потянулось наиболее беднейшее крестьянство, батраки, «безлошадные» хозяева. Они составляли основу таких хозяйств. Обобществляя труд и пашню, часть средств производства и создавая таким образом зачатки общественного производства, артельщики сохраняли личное хозяйство. Оно носило подсобный характер. Устав же коммуны требовал полного отказа от всякой личной собственности, что было неприемлемо для крестьянских семей, имевших какое-то состояние. Требование изменить устав коммун звучало на Первом губернском съезде сельхозкоммун, проходившем в Саратове (12–14 ноября 1918 г.)⁶⁸.

Крестьяне-коммунары, посылая своих делегатов на Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и сельскохозяйственных коммун, дали им наказ: «избранным делегатам на съезде представителей коммун внести вопрос о возврате имущества, внесенного в коммуна выбывающим из коммуны членом по тем или иным причинам, причем, если выдача внесенного в коммуна имущества принесет ущерб хозяйству коммуны, то Совету коммуны предоставляется право – выдачу произвести не натурой, а деньгами»⁶⁹. Озвучив этот наказ, делегаты съезда тем самым заявили, что устав коммун должен быть более гибким и что необходимо учитывать материальные интересы людей при организации коллективного хозяйства. Потребовалось еще несколько месяцев борьбы коммунаров, чтобы власть включила сельские артели и товарищества в «социалистические» формы хозяйствования. На конец 1919 г. по Саратовской губернии было зарегистрировано 63 коммуны и 153 сельскохозяйственных артели⁷⁰.

Стремясь побыстрее претворить в жизнь большевистскую идею «коммунизации» деревни путем создания сельхозкоммун и сельхозартелей, изъятия у зажиточного крестьянства в пользу коллективных хозяйств и «сельского пролетариата» значительной части хозинвентаря, тягловой силы и продуктивного скота, став «надежной опорой» большевиков в деревне, комитеты деревенской бедноты, как отмечалось на партийных конференциях в Саратове, Самаре, Астрахани, других губернских городах, стали присваивать себе целый ряд государственных функций. Таким образом, создался параллелизм власти. Кроме того, деятельность комбедов вызвала все более усиливавшийся протест со стороны основной массы крестьянства, прежде всего, середняков, что стало причиной падения советской власти во многих регионах страны. К

осени 1918 г. Советская республика оказалась зажатой в «огненном кольце» фронтов на сравнительно небольшой территории центральной России.

Все это заставило большевиков отказаться от комбедов. Шестой Всероссийский съезд Советов 8 ноября 1918 г. постановил слить комбеды с сельскими и волостными Советами. Организации бедноты должны были стать как бы местными избирательными комиссиями для выборов Советов крестьянской бедноты и следить за тем, чтобы в Советы входила только беднота⁷¹. После состоявшихся в конце ноября – начале декабря губернских съездов Советов начался процесс переизбрания местных Советов и передачи им дел комитетов бедноты.

В результате аграрных преобразований 1918 г. основой сельскохозяйственного производства Саратовского Поволжья становится мелкокрестьянское хозяйство, имевшее низкую товарность и малую рентабельность. Именно на маломощные в экономическом отношении мелкие крестьянские хозяйства ложилась теперь основная тяжесть выполнения продовольственных нарядов центра, резко увеличившихся для Саратовской губернии и Области немцев Поволжья в связи с обострением продовольственного кризиса к лету 1918 г. и сокращением числа производящих губерний на подконтрольной советской власти территории⁷². Это обстоятельство не могло не способствовать дальнейшей деградации аграрного сектора региона.

Таким образом, в 1918 г. аграрное население Саратовского Поволжья пережило один из самых сложных, противоречивых и драматических периодов своего существования. Это был год коренного слома старых устоев сельской жизни, год многих экспериментов новой власти на селе, жесткого натиска на крестьян, приведших деревню фактически к состоянию гражданской войны.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 1. Д. 138. Л. 3.
- 2 Там же. Л. 4.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 6.
- 6 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 652. Л. 52.
- 7 ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 2. Д. 139. Л. 6.
- 8 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 52. Л. 26.
- 9 ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 138. Л. 4.
- 10 Там же. Д. 139. Л. 12, 27, 53.
- 11 Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. 728. Оп. 1. Д. 98. Л. 4.

- 12 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 139. Л. 2 ; ГИАИП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 168. Л. 36 ; Д. 169. Л. 85.
- 13 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 48. Л. 53 об.
- 14 Подробнее см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 26–30.
- 15 Подробнее о создании и функционировании Поволжского комиссариата по немецким делам, а также об образовании Области немцев Поволжья см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 : в 2 ч. Ч. 1. Автономная область. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 14–35.
- 16 Декреты Советской власти : в 18 т. Т. 3. М. : Политиздат, 1964. С. 100–102.
- 17 ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 43. Л. 16.
- 18 Там же. Ф. 393. Оп. 4. Д. 30. Л. 30 об.
- 19 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 2. Д. 140. Л. 7.
- 20 Наиболее концентрированное изложение этой политики см.: *Ленин В. И.* О голоде (Письмо к питерским рабочим) // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 357–364.
- 21 Декреты Советской власти. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1959. С. 412–420.
- 22 См.: *Суслов Ю. П.* Социалистические партии и крестьянство Поволжья (октябрь 1917–1920 гг.). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 50.
- 23 См.: *Селунская В. М.* Рабочий комитет содействия социалистическому земледелию (1919–1920 гг.) // История СССР. 1960. № 5. С. 117.
- 24 См.: ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 32. Л. 9.
- 25 См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 52.
- 26 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 141. Л. 69.
- 27 Там же. Л. 67.
- 28 Там же. Л. 77.
- 29 Там же. Д. 139. Л. 52.
- 30 См.: *Куреньшев А. А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М. : Изд-во ГИМ, 2000. С. 131.
- 31 Цит. по: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 49.
- 32 Там же.
- 33 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 144. Л. 3.
- 34 Там же. Оп. 1. Д. 140. Л. 67.
- 35 См.: ГАСО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 550. Л. 114.
- 36 См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 55.
- 37 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 265. Л. 53.
- 38 Там же. Д. 261. Л. 17.
- 39 Там же. Л. 20.
- 40 Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 141. Л. 94.
- 41 См.: ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 27. Л. 110.
- 42 См.: *Телицын В. Л.* Феномен крестьянского бунтарства, конец 1917 – начало 1921 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 110.
- 43 Ныне с. Привольное Ровенского района Саратовской области.
- 44 См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.
- 45 Ныне – г. Красноармейск Саратовской области.
- 46 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 52.
- 47 ГИАИП. Ф. 730. Оп. 1. Д. 23. Л. 110.

- ⁴⁸ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 139. Л. 33.
⁴⁹ Там же. Д. 140. Л. 51.
⁵⁰ Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 138. Л. 30.
⁵¹ См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 56.
⁵² Там же.
⁵³ См.: ГАНИСО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 141. Л. 65.
⁵⁴ См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 57.
⁵⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1957. С. 407–419.
⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 421. Л. 11.
⁵⁷ Там же. Д. 48. Л. 26.
⁵⁸ Там же. Л. 53 об.
⁵⁹ Там же. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 421. Л. 13.
⁶⁰ Красный архив. 1940. № 4. С. 123.
⁶¹ ГАСО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 164. Л. 50.
⁶² См.: *Медведев В. К.* Поволжская деревня в период комбедов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1966. С. 32.
⁶³ ГАСО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 166. Л. 2.
⁶⁴ Там же. Д. 164. Л. 16–17.
⁶⁵ Там же. Оп. 2. Д. 173. Л. 8.
⁶⁶ См.: 1917 в Саратовской губернии : сб. документов. Саратов : Кн. изд-во, 1957. С. 572–576.
⁶⁷ Там же.
⁶⁸ См.: *Медведев В. К.* Указ. соч. С. 34.
⁶⁹ ГАСО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 166. Л. 5.
⁷⁰ См.: *Медведев В. К.* Указ. соч. С. 36.
⁷¹ См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 58.
⁷² См.: *Гончаров А. В., Данилов В. Н.* Саратовское Поволжье в период гражданской войны (1918–1921 гг.). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 102.

Образец для цитирования:

Герман А. А. Политические и социально-экономические процессы 1918 года в селах Саратовского Поволжья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 377–387. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-377-387.

Cite this article as:

German A. A. Political and Socio-economic Processes of 1918 in the Villages of the Saratov Volga Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 377–387 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-377-387.
